

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

ТРАКТИР НА МЯСНИЦКОЙ

ЭКМО

Расследования криминального репортера

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

Трактир на Мясницкой

«ЭКСМО»

2014

Сухов Е. Е.

Трактир на Мясницкой / Е. Е. Сухов — «Эксмо»,
2014 — (Расследования криминального репортера)

ISBN 978-5-699-75447-2

Столичный журналист Аристарх Русаков ведет прямой репортаж с престижного международного конкурса кулинаров. Главный приз – ресторан в центре Москвы, и борьба разыгрывается нешуточная. Неожиданно во время презентации блюда умирает шеф-повар Трофим Максимов – главный претендент на победу. Прибывшие на место трагедии полицейские обнаруживают на голове покойного свежую рану, но эксперты устанавливают, что смерть наступила не от травмы, а вследствие отравления сильнодействующим ядом. В правоохранительных органах полагают, что убийца – один из конкурсантов. Русаков же считает эту версию несостоятельной и начинает собственное расследование...

ISBN 978-5-699-75447-2

© Сухов Е. Е., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Евгений Сухов

Трактир на Мясницкой2

© Сухов Е., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Новое задание, или От Ирки ничего не скроешь

– Ты что-нибудь слышал о кулинарном конкурсе? – шеф перевел на меня требовательный взгляд.

Я тотчас заинтересовался большим колючим кактусом, отыскавшим себе приют в углу просторного кабинета. Сказать мне было нечего: в кулинарных конкурсах я был абсолютный профан.

Шеф со скорбным видом проговорил:

– Этот конкурс проводится уже не первый год Российской гильдией шеф-поваров и Московским горкомом профсоюза работников торговли, общественного питания и потребкооперации. Разумеется, при поддержке Департамента торговли и услуг и мэрии.

– А что, у работников торговли и питания сохранился профсоюз? – спросил я приободренным тоном.

– Профсоюзы много где сохранились, – осторожно заметил шеф.

– Может, и у нас в телекомпании такой профсоюз создать? – как бы между прочим сказал я, заметив осторожность шефа.

– А смысл? – покосился на меня шеф.

– Чтобы бороться с произволом начальства, Гаврила Спиридонович, – ответил я и посмотрел на шефа ясными глазами.

– А где ты видишь произвол? – недовольно спросил шеф.

– Пока нигде, – констатировал я, вздохнув. – Но мы ведь от него не застрахованы, так ведь? Поскольку действующее законодательство смотрит на антагонизм в отношениях между работником и нанимателем сквозь пальцы. То есть попросту никак не реагирует и не наказывает нерадивых начальников, набивающих свои карманы деньгами, что должны принадлежать трудящимся. – Для усиления сказанного я поднял вверх палец и строго посмотрел на шефа. – Поэтому-то и происходят задержки заработной платы, незаконные увольнения, прочие безобразия и беззакония...

– Ну-ну, продолжай, интересно послушать, – скрестил Гаврила Спиридонович на груди руки.

– Вот раньше Трудовой кодекс регламентировал такие отношения, – продолжал я. – Все было расписано и разложено по полочкам: что можно, а чего нельзя. И при нарушениях прав рядовых работников за них вступался профессиональный союз и закон. Говорят, без весомой причины нельзя было уволить даже нерадивого работника. Скажем, пьющего... – Шеф лишь только хмыкнул. – А теперь все мы, наемные работники, вынуждены терпеть выходки начальства и заискивать перед ним, опасаясь увольнения. Дескать, доброго здоровьяца вам, Иван Сидорович... – Для пущей убедительности сказанного я даже согнул спину до хруста в позвонках. – Ведь найти приличную работу, да и работу вообще, сегодня не так уж и легко. А таким, как мне, которым под тридцатник, и подавно! Остается только пенсии ждать.

Я перевел дух и преданно посмотрел в суровые глаза шефа.

– Балабол ты, Старый, каких еще поискать, – сделал вывод шеф и беззлобно усмехнулся.

– Есть немного, – честно признал я.

– А вот то, что ты за словом в карман не лезешь, – это даже хорошо. Может, тебя поставить в прямой эфир? Адреналин, импровизация, быстрота мышления, как ты на это смотришь?

– А что, задумывается новая программа в прямом эфире? – посмотрел я на шефа с надеждой.

– Пока нет, – быстро ответил шеф. – Но при появлении таковой я непременно буду иметь тебя в виду.

– Благодарю, шеф, – с чувством произнес я. И приложил руку к сердцу. Подумав, кланяться не стал (как-то уж перебор будет).

– Чего ты стоишь, будто бы столбняк на тебя нашел, присаживайся, – указал шеф на свободное место напротив себя.

Я с готовностью опустил на стул.

– Ладно... Так ты слышал о таком поварском конкурсе или нет? – снова спросил он.

– Только краешком уха, – теперь уже я покосился на шефа. – Значит, это и есть ваша задумка, ради которой вы меня вынули из дела о вагонах с евро? Кстати, а как насчет кладбища бомжей на Белорусском вокзале, которое за одну ночь залили бетоном?

– Ну-у, – неопределенно протянул шеф.

– А как насчет четырех смертей бомжей, зарезанных одинаково и очень профессионально? Ведь эти смерти не случайны. И ведь произошли они вовсе не от антисанитарного образа жизни, каковой ведут эти бомжи, о чем мне пытались втереть очки высокопоставленные полицейские чиновники, когда я с ними встречался.

– Вынужден согласиться, – хмуро посмотрел на меня шеф.

– И расследование гибели этих бомжей до сих пор так и не началось... А как насчет смерти старшего участкового уполномоченного капитана полиции Лакшина? Что, шеф, мы про все это умалчивать будем? Как будто ничего этого и не было?

– Пока будем! – шеф шлепнул по столу ладонью так, что из настольного прибора выскочили ручки и карандаши. Надо признать, он умел наводить страху, в особенности на репортеров. – И обстоятельства этого умалчивания тебе хорошо известны. Или ты хочешь, – он почти зло посмотрел на меня, – чтобы с нашей телекомпанией сделали то же самое, что в две тысячи восьмом году сделали с газетой «Московский репортер» (ее попросту задушили после одной неугодной властям предрезающей публикации), в которой ты работал? Тебе ли не знать, как это бывает... Ты этого хочешь, что ли? Спишь и видишь, чтобы нас прихлопнули на хрен? Или желаешь помереть от той антисанитарии, что те самые бомжи? – сузил он глаза.

– Нет, я не хочу, чтобы нас прихлопнули на хрен, как «Московского репортера», – не сразу ответил я. – Да и гикнуть раньше времени не желаю, на жизнь есть определенные планы. Но и похерить «такой убийственный материал» было бы большой глупостью и недальновидностью. Да и просто по-человечески обидно, шеф. Ведь такая огромная работа была проделана. Причем с риском для жизни...

Я посмотрел на шефа с надеждой.

– Обидно, не спорю, – согласился Гаврила Спиридонович, тяжело вздохнул (все-таки жил в нем где-то рискованный репортер) и ответил мне на мой взгляд взглядом прямо в глаза: – А кто тебе сказал, что мы весь ваш материал собираемся похерить? – Шеф немного помолчал и добавил: – Выждем время, выберем благоприятный момент – и выпустим все твои убийственные материалы с какой-нибудь оказией, чтобы были к месту. Терпение только нужно проявить, Старый. И выдержку... Понял?

– Ладно, я понял, – решил отступить я, поскольку вовсе не желал, чтобы нашу телекомпанию «Авокадо» (со столь интригующим названием) действительно придушили бы, как пять лет назад придушили «Московского репортера». – Чего там с этим конкурсом поваров-то?

– Это другое дело, – лицо шефа прояснилось. – Если ты не знаешь, то я тебе немного о нем расскажу... Значит, так... На конкурс собираются не просто шеф-повара, а классные повара! А также заведующие производством ресторанов и кафе. Вернее, их приглашают, и они соглашаются участвовать. Или сами набиваются на участие в конкурсе, как это и произошло в этот год... Дело престижное, а потом реклама.

– А чем конкурс поваров в этом году отличается от конкурсов предыдущих лет? – задал я, на мой взгляд, резонный вопрос.

– Не перебивай, позже поясню, и все сразу поймешь, – посмотрел на меня шеф и продолжил: – Так вот... Участники готовят конкурсные блюда, которые оценивает очень компетентное жюри. Потом в результате проб лишних отсеивают, а самые лучшие конкурсанты выходят в финал, где бьются уже за призовые места. Нынче в финал вышли пятеро участников. Все они – шеф-повара престижных и известнейших московских ресторанов. Хотя раньше в финале участвовали и заведующие производством, и обычные повара. Даже новички в финал конкурса выходили, бывало, и получали призы. Правда, лишь поощрительные, но все же... А нынче не так. Потому что – и сейчас я подхожу к самому главному – имеется очень мощная интрига, отличающая этот конкурс в этом году от других.

– И что это за интрига? – поторопил я шефа. Признаюсь, был заинтригован, и недовольство, которым я было проникся к шефу в начале нашей беседы, исчезло.

– Помимо призов, победитель конкурса получает... – шеф сделал театральную паузу...

– Сто тысяч рублей, – выказал я некоторую осведомленность.

– Верно, сто тысяч рублей, – согласился шеф.

– Ну, вот видите, – довольно заулыбался я. Иногда во мне срабатывал дар прорицателя, и я даже подумывал о том, а не поучаствовать ли мне в телевизионной передаче «Баталии экстрасенсов». Наверняка из моих пращуров были какие-нибудь ведуны или колдуны.

– Но это от учредителей конкурса. А еще... – шеф снова выдержал эдакую мхатовскую паузу (Станиславский доморощенный, черт возьми!), – занявший первое место в конкурсе получает...

– Миллион долларов? – сказал я и усмехнулся.

– Зря усмехаешься, – осадил меня шеф. – Но ты почти попал. Только приз будет, пожалуй, подороже... Победитель, – голос шефа зазвучал даже торжественно как-то, – получает в полное распоряжение, то есть становится официальным владельцем... ресторана «Добрыня».

– Что?! – я был крайне удивлен.

Хозяином ресторана «Добрыня», что стоял на Театральной площади, был Вячеслав Масин, владелец заводов, газет, пароходов и разного прочего имущества, входящий в первую пятерку самых богатых людей России и первую полусотню богатейших людей нашего земного шара. Что это ему вдруг захотелось расстаться с одним из самых престижных и популярных ресторанов в самом центре Москвы? Может, одолели заботы? Но заботы, связанные с рестораном, вряд ли лежали непосредственно на его плечах. Не устраивала получаемая прибыль? Но «Добрыня» был более чем успешным предприятием. Наверное, это была просто очередная блажь богатея. Причуда. Захотел, вот и объявил во всеуслышание, что победитель поварского конкурса получит от него в дар превосходный ресторан в центре столицы. Ну, это как шуба с барского плеча... Вернее, с царского...

– А вот то, – ответил на мое удивленное восклицание шеф.

Этот ресторан я знал. Вернее, был знаком с ним и его кухней, так как побывал в нем однажды по приглашению Славы Харитонов, тоже весьма небедного человека России, собиравшегося, да потом вдруг раздумавшего баллотироваться в президенты России. Я напросился на интервью с ним, и он назвал мне место встречи: ресторан «Добрыня» на Театральной.

– Там отличная русская кухня, – сказал Харитонов в завершение нашего телефонного разговора. – Приходите, не пожалеете.

– У меня тут кое-какие проблемы, знаете, мне сейчас...

– Естественно, наш обед оплачу я. За обедом и побеседуем, не возражаете?

Все сомнения отпали. Я, естественно, не возражал. Мы со Степой получили разрешение поснимать в ресторане, причем после этого разрешения я умудрился договориться с управляющим, чтобы ресторан оплатил нам, вернее, телекомпания «Авокадо», этот сюжет, поскольку

я преподнес управляющему мое интервью с несостоявшимся кандидатом в президенты России как самый настоящий рекламный ролик о самом ресторане. И начал я сюжет о Харитонове с представления телезрителям места, где собирался брать интервью: чем не реклама? И съемки начались такими моими словами:

– Здравствуйте, дорогие телезрители. Мы с вами находимся в ресторане «Добрыня», расположенном в бывших палатах трапезной древнемосковского монастыря в нескольких минутах ходьбы от Красной площади. Как видите, здесь уже не просто расписные стены и потолки, как было во времена государей Бориса Годунова и Василия Шуйского. Палаты эти оформлены в древнерусском стиле, а именно как палаты русского боярина начала семнадцатого века. Зачем мы здесь? – тут я перевел взгляд на сидящего за столом Вячеслава Харитонова, вслед за чем переместила свой взор на него и телекамера моего неизменного оператора Степы. – А затем, чтобы мирно побеседовать за обедом с очень богатым и известным бизнесменом, популярным общественным деятелем, уже зарекомендовавшим политиком и просто обаятельным человеком Вячеславом Харитоновым...

А после началась беседа. За трапезой, так сказать... Признаюсь, трапеза мне понравилась больше, чем беседа. Когда-то под этими низкими сводами вкушали скоромную пищу, воздав благодарение Богу, монахи со своим игуменом. Теперь обедали мы, то есть я и Харитонов, вот, правда, пища была похлебосольнее. Ну, сей гражданин, похоже, тут свой: официанты в поддевках, мягких яловых сапогах и плисовых штанах с прилизанными волосами и пробором посередине головы (таких в трактирах раньше называли половой) просто стелются перед ним, рассчитывая, наверное, на недурственные чаевые. Но я здесь человек случайный, по долгу службы, так сказать. Возможно, более я здесь и не буду никогда. Так что оторвался я, следует признаться, от души. Я с удовольствием откусал предложенное мне рыбное ассорти «Лукоморье» с осетриной, слабосоленой семгой, нельмой, угрем и лососевой икоркой и наслаждался наваристой ущицей «Ростовская» с судаком и редкой ныне белорыбицей. Затем я с благоговением выпил анисовой водочки под нежную и тающую во рту сваренную большими кусками телятинку с солеными лисичками; вкусил впервые в жизни двух перепелов с яблоками и орехами и испил ковш медовухи, закусывая ее клубникой и голубикой. Сколько стоил мой поистине царский обед, мне было абсолютно неизвестно, поскольку Харитонов считал меня своим гостем и, естественно, платил, однако по самым скромным подсчетам, покушал и попил я тут минимум тысяч на семь – семь с половиной. Помнится, я тогда чертовски объелся и потом два дня на пищу смотреть не мог.

Но... довольно уже про ресторан и Харитонова. Конечно, человек он довольно занятный и славный, но все же не свободный, и его тоже кто-то дергает за веревочки, хотя и он сам имеет в марионетках людей превеликое множество.

– И это уже как-то документально зафиксировано?

– Зафиксировано. Уже подготовлен соответствующий сертификат, – охотно подтвердил шеф.

Признаюсь, я искренне пожалел, что не кулинар... Даже макароны сварить толком не умею, отчего-то они получаются у меня всегда липкие. Зато я хорошо варю яйца вкрутую. В этом я чемпион мира!

Итак, я услышал от шефа убойную новость: ресторан под названием «Добрыня» достанется повару, занявшему в кулинарном конкурсе первое место. И это, конечно, подстегнуло мой интерес к предстоящей передаче, которую мне предлагалось вести. Снимать все, конечно, должен был мой верный Санчо Панса, то бишь Степа...

– Послезавтра будет финал. И ты все это действие должен снять и прокомментировать.

– Слушаюсь, шеф, – бодро ответил я.

– Так что ступай, включай компьютер и читай статьи по этому конкурсу. Двадцать два человека всего состязались, – продолжил шеф. – Осталось пять. Ты должен знать всю подно-

готную пяти финалистов: кто они, откуда они, почему, когда выбыли остальные, а эти вот остались... Что тут? Невероятное везение? Кулинарный талант? Или, может быть, обыкновенный протекционизм? Ты должен знать, кто входит в жюри конкурса: где эти люди работают, чем занимались прежде. Почему именно они вошли в состав жюри и каков расклад сил конкурсантов на сегодняшний момент... Определить, кто из этих пяти финалистов-кулинаров фаворит, а кто так себе, замыкающий. Ты все понял, Старый?

– Так точно, шеф, – отрапортовал я, приложив ладонь к виску и уже прикидывая, чем займусь в первые минуты репортажа.

– К пустой голове руку не прикладывают, – буркнул шеф. – Ладно, иди, работай. Что с тебя возьмешь.

Такое вот было отдано мне приказание, которого я, при всем моем желании, послушаться не мог. В принципе, шеф пустых или дурных приказаний никогда не отдавал; все они были по делу и несли в чем-либо выгоду самой телекомпании «Авокадо». Почему такое название – «Авокадо»? Потому что наши передачи, как и сам этот фрукт, экзотически вкусны (для восприятия), полезны (для ориентации в жизненном пространстве) и тонизируют (не дают расслабиться в гонке за удовольствиями и достатком, дабы вас не обошли на повороте завистники и конкуренты). Название каналу, как и объяснение значения такого названия, придумал, конечно, наш шеф... Репортеру в качестве бонусов от хорошо выполненной работы перепала хорошая премия. Согласитесь, тоже немаловажная вещь.

– Слушаюсь, – ответил я на приказание шефа. И пошел начитывать материал про этот кулинарный конкурс.

* * *

Кажется – а точной информации я не нашел, – московский конкурс «Кулинар года» стал проводиться с 2011 года. До этого были, конечно, какие-то кулинарные поединки, но они не имели ни большого масштаба, ни такого именитого учредителя, как Московский городской комитет профсоюза работников торговли, общественного питания и потребкооперации. Все это были баталии районного охвата.

Конкурс «Кулинар года» начинался с окружных конкурсов. Потом повара, вышедшие в финал, состязались в приготовлении лучшего блюда уже за призы. Они предоставляли на суд жюри, которое состояло из шеф-поваров ресторанов и членов Московской ассоциации кулинаров, полный обед. То есть холодные блюда, горячие блюда и десерт. Жюри пробовало, оценивало, цокало языками (порой морщилось) и выставляло оценки. Заработавший наивысшее количество баллов и получал желанный главный приз, чаще всего в денежном эквиваленте. И премировался сертификатом на участие в Международном кремлевском кулинарном кубке и стажировкой за рубеж за счет Московской ассоциации кулинаров.

В 2012 году в число организаторов конкурса «Кулинар года» вошла Российская гильдия шеф-поваров, что подняло престиж этого конкурса на значительную высоту и повысило качество и стоимость призов. Участников стало больше, жюри сделалось придирчивее и строже.

В этом году соревнования начались, как это уже стало традицией, ранней весной. И когда я рисковал жизнью, пытаюсь поймать убийцу актера Игоря Санина; плел интриги и козни против убийцы заведующего экспериментальной лабораторией Рудольфа Фокина и его лаборантки Зои Калмыковой из Института неврологии имени Кожевникова при МГУ, повара московских ресторанов и кафе готовили блюда, представляли их на суд жюри, а позже убывали из соревнования или переходили на его более высшую ступень.

И вот послезавтра – финал конкурса «Кулинар-2013». Нынче конкурс был особенный. Цель его, как гласила интернетовская заметка, заключалась в «повышении престижа национальной русской кухни, возрождении исторических рецептов русских блюд, повышении попу-

лярности предприятий питания с национальной русской кухней». То есть финалисты должны представить на суд жюри исключительно авторские блюда русской национальной кухни, да еще изготовленные по старинным рецептам. Причем это был опять-таки полноценный обед: холодное, горячее и десерт. А поскольку конкурс призван повысить престиж русской кухни и возродить ее забытые рецепты, то главным критерием отбора участников конкурса было и останется в финале «знание особенностей русской кухни и владение навыками изготовления традиционных русских блюд».

Помимо жюри, в состав которого в этом году вошли и представители Российской гильдии шеф-поваров во главе с ее президентом Николаем Александровичем Сычом, и члены Московской ассоциации кулинаров, и шеф-повара престижных московских ресторанов, в финале предполагалось также и участие небольшого количества зрителей. Освещать финал должна была приглашенная пресса. Сам финал будет проводиться в банкетном зале «Бонапарт» на улице Гарибальди.

Кстати, вы знаете, что такое этот банкетный зал «Бонапарт»? О-о, это, я вам скажу, это нечто! В зал ведет отдельный вход. Банкетный зал размещался на втором этаже, ибо на первом – шикарный бар и танц-холл. На втором этаже все исполнено в стиле русских ресторанов столетней давности, когда можно было кушать, выпивать и одновременно наблюдать дивертисменты и варьете. Кругом наклеплено сусальное золото, потолки расписные, стены цвета рафинада (если они не зеркальные), радужные люстры с тысячами электрических свечей (кстати, очень хороший свет для съемок) и столики под белоснежными скатертями. Кухня – европейская, русская и кавказская. Готовят славно, пальчики оближешь. Что и неудивительно за такую-то цену!

Зал преогромный. Есть где поставить телеаппаратуру буквально всем московским телекомпаниям, не стесняя едоков, официантов и артистов. И место для президиума имеется особое, словно специально приготовленное для членов жюри конкурса «Кулинар-2013». На этом месте обычно сидит либо юбиляр с супругой, либо восседают молодожены. Послезавтра, когда мы со Степой прибудем в этот ресторан снимать финал конкурса кулинаров, на месте президиума будет восседать жюри во главе с президентом Российской гильдии шеф-поваров Николаем Александровичем Сычом. Жюри будет кушать конкурсные блюда и определять лучшие из них.

Кстати, кто там у нас в финале? Я открыл нужный сайт и тотчас отыскал оставшихся счастливчиков. Ага, участников пятеро. Итак... Первым по списку значится Сундуков Валерий Степанович, шеф-повар ресторана «Императрица Елизавета». Вторым идет Голубев Владимир Сергеевич, шеф-повар ресторана «Ерема». Третьим будет Максимов Трофим Иванович, шеф-повар ресторана «Трактир на Мясницкой». Четвертый – Михальчук Петр Петрович, шеф-повар ресторана «Фрегат». И пятым числится Галушко Павел Афанасьевич, шеф-повар ресторана «Хортица».

Надо же, одни мужики в финале! Кто бы мог подумать. Хотя оно и правильно... Женщины готовят хорошо, спору нет. И таких женщин много. Мужчины же готовят исключительно! И лучше многих женщин. Но таких мужчин – мало. Эта пятерка поваров – в точности из числа этих, которых мало. В общем, феминизм здесь не пройдет. Поглядим, кто из них отхватит главный приз.

* * *

Вечером мне позвонила Ирина, чему я несказанно обрадовался.

– Я на тебя сердита, – без всяких предисловий сказала она и надула губки. Ну, в смысле, я так представил, что она надула губки. Хотя, возможно, так оно и было на самом деле.

– Не нужно на меня сердиться, – мягко ответил я. По отношению к женщинам требовался такт и терпение. Первого у меня было в избытке, со вторым – некоторые проблемы... Вообще, надо как-то себя перевоспитывать, а то можно и бобылем остаться.

– Да как не сердиться, когда я тебя уже который день не вижу! И не звонишь даже...

Голос у Ирины и правда был обиженным.

– Я не мог, – произнес я с крайней печалью, что, по правде, не стоило мне особого труда. Ведь я честно не мог позвонить, поскольку, во-первых, своим звонком я мог бы подставить дорогого мне человека. Ведь мои телефонные разговоры наверняка прослушивали. И те люди, что приходили ко мне с намерением меня пришить или смертельно напугать, могли вот так же прийти к Ирине. Убить ее просто потому, чтобы сделать мне больно...

А во-вторых, у меня просто не было под рукой телефона, поскольку мнимая старушка, на самом деле являющаяся работником спецслужб, настоятельно рекомендовала мне выбросить мой любимый телефон, дабы меня не запеленговали. Что я и послушно выполнил.

– Что, и позвонить даже не мог? – повторилась Ирина. Голос ее звучал по-прежнему обиженно.

– Не мог, – твердо и честно ответил я.

– Расска-а-азывай, – недоверчиво протянула Ирина. Интонации малость смягчились.

– Да говорю же, не мог, – ответил я, а потом добавил: – И вообще, меня чуть не убили.

– Да? – ее голос прозвучал недоверчиво. Как если бы она сказала: «Да кому ты нужен такой бесталаный!» Это тот самый случай, когда нужно проявить терпение, и я достойно выдержал экзамен.

– Да, – ответил я тоном, не вызывающим сомнения.

В общем, я серьезно взялся за собственное перевоспитание. И, кажется, у меня получалось.

– Я сейчас приеду, – безапелляционно заявила Ирина. – Вот прямо сейчас и приеду...

– Н-не надо... – я и обрадовался, и испугался одновременно. Конечно, обрадовался-то я за себя, а вот испугался за нее... – А вдруг все еще не закончилось?

– Я все равно приеду... Уже еду... – ее тон не терпел возражений. – И ты мне все расскажешь...

Ирина не приехала, а буквально прилетела. На чем – об этом оставалось только гадать. Не хотелось бы верить, что она прилетела на метле... вот будет картина!

Ирина была такой же, как и я. Во многих вопросах. Совершенно неважно, как это назвать: единением, родством душ или еще как-нибудь. Главное было в том, что она думала так же, как и я, а именно: чему быть, того не миновать. Значит, и шарахаться от предлагаемых судьбой обстоятельств не стоит. Все равно, то, что должно случиться, – так или иначе, произойдет. А нам остается только одно: принять это случившееся за данность и, немного побарахтавшись (больше для успокоения собственной совести), смириться с обстоятельствами и жить дальше...

Трусихой, разумеется, она не была – это точно! И очевидно, неплохо относилась ко мне. Во всяком случае, она не однажды это доказала.

– Привет! – Ирина стремительно вошла и чмокнула меня в щеку. Потом, отстранившись, придирчиво осмотрела меня, как будто рассчитывала отыскать непоправимые изменения; изучала и делала какие-то далеко идущие выводы. Кажется, она удостоверилась, что все сказанное мной – правда. Ведь у женщин невероятно развита интуиция, а чутье на ложь просто невероятное! Даже у молоденьких. Не то что мы, мужики-ротозеи: все сказанное готовы принять на веру.

– Привет, – ответил я. – Все сердисься?

– Уже нет, – ответила она. И я уловил в ее голосе искренность.

– И правильно, – констатировал я и улыбнулся. – Обижаться – пустая трата времени. Кроме того, на обиженных воду возят, слышала об этом?

– Слышала... – Ирина прошла в комнату и села на диван. – Ладно, рассказывай, – приказала она, – что там у тебя?

– Это займет много времени, – осторожно предупредил я.

– Я не тороплюсь, – произнесла Ирина. Похоже, мое предупреждение ее не остановило. И она удобнее расположилась на диване, откинувшись на спинку и скрестив ноги. Юбка, к моему немалому удовольствию, на ней была короткая, поэтому ее ножки предстали во всей красе...

«Ну, вот, и гормоны зашевелились», – принялся я рассматривать аппетитные колени. Я был уверен, что сделала она это машинально, но поза ее была столь соблазнительной, что я спросил, определенно намекая на то, что не пора ли нам «полежать» вместе (ну, или посто-ять/посидеть, главное, чтобы в гармонии):

– Может, я расскажу обо всем немного позже? – невольно спросил я чутьчку осипшим голосом.

– Почему позже? – вскинула на меня глаза Ирина.

Неужели она не догадывается о моем состоянии? Или это такая женская игра?

– Потому что мы сейчас немного заняты будем, – ответил я, подходя к ней мягко и кра-дучись, как тигр, наметивший себе добычу.

– Ясно, – улынулась Ирина. Все-таки девочка она была сообразительная. – Но потом ты мне все расскажешь.

– Разумеется, какое может быть недоверие между близкими людьми, – сказал я и положил руку на ее гладенькую коленку. Ладонь моя поползла выше, выше, пока не коснулась шелковой материи трусиков. Когда я коснулся заветного места, Ирина шумно выдохнула и раздвинула ножки, чтобы не стеснять движений моей ладони и пальцев. И я не преминул этим воспользо-ваться. А дальше было то, что касается только нас двоих...

* * *

– А теперь рассказывай...

Она повернула ко мне раздумывавшееся лицо и приподнялась на локте, подперев ладо-нью голову. Я уже отдышался, но что-либо говорить мне не хотелось. Сейчас очень кстати было бы поспать.

– Может, позже? – произнес я с просительными нотками тоном, но в ответ получил твер-дое и беспрекословное:

– Рассказывай давай!

Я вздохнул, придется рассказать как на духу. Конечно, проведенные мною расследова-ния о кладбище бомжей на Белорусском вокзале, в одну ночь залитом бетоном, и о четы-рех вагонах, наполненных евро, нельзя было назвать уж очень успешными. Однако нельзя их было назвать и провальными. Материал про несанкционированное кладбище бомжей имелся в архиве телекомпании «Авокадо» весьма мощный и скандально-обличительный, причем шеф при случае обещал его запустить, а свои обещания он обычно держит. Да и после таких слов я с него просто не слезу, пока кадры и мои комментарии о кладбище бомжей не дойдут до нашего зрителя и не покажут ему ту изнанку жизни, о которой большинство из нас даже не догадывается. Конечно, шоком для зрителя уничтожение кладбища людей не будет, поскольку таких случаев наша российская история знает предостаточно. Только в одной Москве скрыто и уничтожено более трех десятков как общегородских (Лазаревское, Дорогомиловское, Семе-новское, Братское на Соколе), так и монастырских кладбищ и погостов.

Православное и монастырское кладбища были на месте нынешней Манежной площади; кладбище имелось на Красной площади (Васильевский погост); на Дмитровке (Воскресенский погост); близ Пушечного Двора (Иоакимовский погост); на Лубянке (Софийский погост) ... А может, человеческих захоронений в Москве уничтожено и поболее трех десятков. Ведь память

ныне у нас короткая. Но все равно, пусть телезритель знает, что срыть кладбище и закатать его под тридцатисантиметровый асфальт и сегодня властям предержавшим ничего не стоит.

Увы, священные места, память, семейные реликвии и ценности ныне не в чести. Мы все невольно становимся «Иванами, не помнящими родства». И неудивительно, что у нас обнаруживаются провалы с понятиями чести и совести, с порядочностью и гордостью. Значит, кому-то это нужно. Ведь гордого человека поработить трудно. А нас – легко. Ибо гордиться как будто бы особенно нечем: все скрыто, закатано, стерто.

Что же касается четырех вагонов с евро, которые еще несколько дней назад стояли в одном далеком тупичке, то все они, по моей указке, были опустошены бомжами и нищими. Это разве поражение? И хоть про вагоны с евро передачи тоже не случилось, но все же новостной выпуск, наделавший несколько дней назад столько шума, вышел.

– С чего начать? – спросил я, оттягивая время.

– С самого начала и по порядку, – потребовала Ирина и надела трусики (на мой взгляд, это было излишне, так и вдохновения можно лишиться). Надо было видеть, как красиво и, черт побери, элегантно она это сделала. Хотя на мой неискушенный взгляд снимать трусики у нее получалось гораздо лучше.

– Хорошо, – начал я и постарался привести поистрепавшиеся мысли в должный порядок. – Все началось с одного бизнесмена, держателя бутиков с модной одеждой. Еще перед девятым мая в один из этих бутиков пришел бомж и потребовал, чтоб его приодели. Более того, он требовал самое лучшее, что только возможно. Только денег у него не было. В смысле, рублей. Зато были евро. Несколько пачек с сотенными новенькими купюрами.

– Откуда? – перебила меня Ирка, округлив глаза. Мне вдруг даже показалось, что они просто вылезут из орбит. Худшего не произошло, она продолжала тарашиться, ожидая исчерпывающего ответа.

– Оттуда, – не стал я пока отвечать конкретно и сделал вид, что слегка возмущен, чтобы лишить Ирину в дальнейшем возможности сбить меня и тем самым затянуть время моего рассказа, который я желал сделать как можно короче: – Слушай и не перебивай, договорились? Сама же просила рассказывать все по порядку и с самого начала.

– Все, молчу, – произнесла Ирина и притихла. – Рассказывай.

И я не разочаровал.

– Так вот... – я стал продолжать, хотя мне не очень-то и хотелось все это рассказывать Ирине. Да и зачем ей? Пусть даже она тоже имеет отношение к журналистике. Хотя тут, скорее, не журналистика, а политика. Причем непристойная. Впрочем, иной она, наверное, и не бывает... – Бомжу этому, которого звали Сэр, ничего не продали. И выпроводили из магазина... Но это был только один эпизод. Следующим эпизодом был приход – тоже еще до 9 мая – бомжа Виталика в дорожный и элитный ресторан «Аркадия» на Бутырском Валу. Его поначалу не хотели пускать, но он прошел, одарив двумя сотенными евро метрдотеля. И тот подумал, что это богатей просто так развлекается, вырядившись бомжом. Виталик покушал в этой ресторации на шестнадцать тысяч рубликов. И с собой для друзей-приятелей прихватил еды и питья на восемьдесят шесть тысяч. Расплачивался он новенькими евро...

– На сколько этот Виталик прихватил еды и питья? – переспросила, вскинув бровки, Ирка.

– На восемьдесят шесть тысяч, – повторил я, строго посмотрев на Ирину, дескать, просил же не перебивать меня. – А всего господин бомж Виталик оставил в «Аркадии» сто две тысячи рублей... Но это еще не все, – заторопился я продолжить свой рассказ, поскольку Ирина, крайне заинтересованная тем, что я говорю, опять хотела что-то произнести и, тем самым, снова отвлекла меня от повествования. – Новый эпизод с бомжами произошел у Сбербанка на Лесной улице, где одна бомж-леди и ее бой-френд попросили одну пожилую гражданку поменять евро на рубли. Ведь паспортов-то у них нет. Они передали ей восемь новеньких купюр

евро каждая достоинством в сотню, и пожилая гражданка за вознаграждение, весьма приличное, кстати, поменяла им евро. Более того, бомжи попросили ее прийти к отделению сбербанка и назавтра, чтобы повторить операцию, но уже с более крупной суммой евро. Гражданка на следующий день пришла, а вот бомжи не явились. Потому что были убиты, как и Виталик. Причем убиты одним и тем же способом: их полоснули ножом по горлу. Очень профессионально, кстати: вжик, и готово. Убитых бомжей похоронили на несанкционированном кладбище, о котором мало кто знал. Конечно, никакого расследования по факту смерти бомжей не проводилось. Кому они нужны? А бомж по кличке Сэр ушел в подполье, опасаясь, что его убьют, как и остальных...

Я глянул на Ирину, которая во все глаза смотрела на меня и слушала.

– Так вот, – продолжил я и с трудом отвел взгляд от Ирины. – Этот самый бизнесмен, который являлся владельцем бутика, куда приходил приодеться бомж по кличке Сэр, через несколько дней зашел в ресторан «Аркадия» поужинать, что делал уже не первый раз. Метрдотель был ему знаком, поэтому и рассказал про богача-бомжа, оставившего в этом ресторане сто с лишним тысяч рублей. И хоть метрдотель принимал Виталика за чудаковатого богача, который развлекался таким вот нестандартным образом, прикидываясь бродягой, бизнесмен, зная про случай с бомжом, произошедший в его бутике, думал совершенно иначе. Кроме того, та пожилая женщина, что меняла евро в сбербанке бомжихе и ее приятелю, оказалась уборщицей из того самого бутика, куда заходил приодеться первый бомж по кличке Сэр. Уборщица рассказала о случае с бомжами у сберкассы на Лесной улице заведующей бутиком, а та – хозяйину бутика, то есть этому самому нашему бизнесмену. Сопоставив уже известные ему три факта наличия у бомжей крупных сумм денег в евро, он и пришел к своему другу и моему шефу и все ему рассказал. Шеф этим делом заинтересовался – откуда у бомжей новенькие евро, да еще столь много? – и поручил мне разрешить данный вопрос. Я начал журналистское расследование и вышел на тайное кладбище бомжей в одной из вокзальных зон и на четыре товарных вагона, под завязку набитых евро. Самыми что ни на есть настоящими.

– Так это был твой новостной сюжет о том, как бомжи и нищие растащили вагоны с деньгами, что я видела на днях? – с восхищением посмотрела на меня Ирина.

– Мой, – не без гордости ответил я.

– А про кладбище бомжей почему не было ни слова? – удивленно спросила моя подруга.

Слегка поморщившись, я ответил:

– Шефу запретили делать про это кладбище передачу. Как и про вагоны с евро. Мне едва удалось протащить новость про то, как эти вагоны растащила толпа бомжей и нищих. А материала у меня на две программы было предостаточно. Кстати, того кладбища уже нет. Его в одну ночь залили бетоном.

– Сволочи, – Ирина шмыгнула носом. – Это же все-таки люди.

– Вот только те, кто отдал приказ ликвидировать кладбище, так не считали, – произнес я.

– Да-а, – протянула она. – Ты такой везунчик, тебе всегда достается самое интересное.

– Не всегда, – заметил я.

– Например? – удивившись, спросила Ирина. Похоже, девушка начинала всерьез верить, что я любимец фортуны. Эх, если бы оно и в самом деле обстояло так!

– Например, послезавтра мне придется снимать финал кулинарного конкурса поваров Москвы, – ответил я. – После бомжей и евро мне это вряд ли будет интересно... Хотя в этом тоже есть определенный плюс. Может, поем по-человечески. Кухня-то будет великолепная!

– А за что тебя едва не убили? – после недолгого молчания подняла на меня повлажневшие глаза девушки.

– За то, что я слишком много знал, – ответил я. Получилось немного торжественно, да еще с каким-то пафосом. – Но они посчитали меня слишком мелкой сошкой, чтобы иметь возможность им помешать. Так мне сказал тот, что разговаривал со мной. Кстати, он чиновник

средней руки в одном из московских департаментов. Таких, как он, – это он мне сказал сам, – много в самых различных учреждениях и сферах...

– Ну, они явно просчитались, посчитав тебя за мелкую сошку, – не без гордости заметила Ирина.

– Я тоже так думаю, – улыбнулся я и спросил: – Что, твое любопытство удовлетворено?

– Да, – ответила Ирина. – Ты мой герой!

Услышать подобное восклицание от красивой девушки всегда приятно. Тем более что прежде такие слова мне никто не говорил.

Глава 2

Походки: летящая, тяжелая, танцующая и стремительная, или Смерть гения горячих блюд

Походка человека может рассказать о нем много интересного. Не все, конечно, но вот некоторые черты человека по походке узнать все же можно. Пока Степа готовился к съемкам, пока рассаживались члены жюри, пока прибывали приглашенные гости, я присматривался к людям, отмечая их походку. Например, лысоватый ведущий финал кулинарного состязания со сцены банкетного зала «Бонапарт» ставил ноги пятками внутрь. То есть как ходил Чарли Чаплин, когда он изображал своего маленького беззащитного и смешного человечка в Большом Городе...

Люди, у которых походка пятками внутрь, часто бывают веселыми, назойливыми и замечающими то, чего другие не видят. Шутят они часто, к месту и не очень. Вот и ведущий, небольшого роста лысоватый человек, который в начале девяностых мелькал по телевизору много и часто, в середине девяностых еще показывался, изредка появлялся в начале двухтысячных, а теперь его перестали показывать вовсе, сыпал шуточками, конечно, на кулинарную тему и старался как-то занять присутствующих. Это чтоб жюри и гости не скучали, поскольку соревнующиеся повара были заняты на кухне, готовя конкурсные блюда.

– Не знаю, как вы, – говорил ведущий, – а я так умею готовить только омлет. Его я готовлю мастерски. Но, увы, кто готовит мастерски омлет, обычно больше ничего не умеет готовить. Однажды, когда жена одна уехала в отпуск, а меня с телевидения не отпустили, я как-то решил приготовить себе щи. Нет, чтобы сходить в ресторан или ближайшую кафешку... Ну, купил капусты, нашинковал ее, обрезав при этом себе до крови палец, мясо нарезал кубиками, картошку дольками, специи приготовил. И все это опустил в кастрюлю. Варю, помешиваю. Час проходит, два. Пробую – не готово. Пошел к соседке за консультацией. Попросил зайти ко мне, посмотреть: может, я что-то неправильно делаю. Она зашла, попробовала... «Сколько еще варить?» – спрашиваю. «Часа полтора», – отвечает. «Мама дорогая, – думаю. – Жизнь слишком коротка, чтобы варить себе обеды». Плюнул я на эту свою затею, вылил все варево в унитаз и пошел обедать в ресторан. Больше варить щи я не пытался...

– Готовить обеды – тоже искусство, – громко заметила лысоватому ведущему член жюри конкурса вице-президент Межрегиональной ассоциации кулинаров России Тамара Николаевна Круглова. И мило улыбнулась. Лет тридцать пять назад она вполне могла бы выиграть районный конкурс красоты, а то и городской. Держалась она с достоинством, как и положено женщине в годах и достигшей в избранной профессиональной сфере больших высот и достатка. Время от времени она с затаенной хитринкой посматривала на председателя жюри Николая Александровича Сыча, президента Российской гильдии шеф-поваров, члена Французской национальной гастрономической ассоциации и Итальянской ассоциации поваров, крепкого рыжеватого господина с рязанским лицом и задиристой прической «бобрик». Николай Александрович, чем-то похожий на Городничего из гоголевского «Ревизора» в исполнении неподражаемого Юрия Толубеева, отвечал ей острым взглядом небольших глаз, которые, когда он улыбался, превращались в хитроватые щелочки. Кажется, эту немолодую пару в прошлом что-то связывало и теперь им обоим было приятно об этом вспоминать.

– Были бы щи, а лапоть всегда найдется, – негромко сказал Николай Александрович как бы в дополнение реплики Кругловой и перевел взгляд на лысоватого ведущего. Тамара Николаевна снисходительно улыбнулась.

Я не заметил, какая походка была у Сыча, поскольку он все время, начиная с нашего со Степой прихода в банкетный зал, сидел. А вот у Тамары Николаевны Кругловой был прямой

и стремительный шаг, будто она все время куда-то спешит. Такая походка явно указывала на решительность характера, импульсивность, а также способность к достижению поставленных целей. А еще она говорила о большой заботе. Разумеется, к себе самой. И хотя из людей со стремительной походкой получаются неплохие друзья, их доброжелательность и отзывчивость распространяются лишь до определенных границ. А потом, когда дружба начинает требовать больших душевных и материальных затрат, люди со стремительной походкой в дружбе отказывают. Нет, они не становятся злыми. Просто до их сердца уже невозможно достучаться.

Николай Александрович Сыч, как председатель жюри, сидел в президиуме в самой середине. По правую руку от него восседала Тамара Круглова. Рядом с ней устроился импозантный господин лет сорока с небольшим животиком. Был он с эспаньолкой и вьющимися волосами, ниспадающими на плечи. Вид у него был явно «иностранный».

Черт побери, почему и сегодня, когда русские и одеться могут намного лучше, нежели иностранцы, и холеных господ среди нашего российского брата уже пруд пруди, и дамы света и даже полусвета едва ли не все поголовно в нарядах от Валентино и Дольче и Габбана, а все равно иностранца от русского отличишь едва ли не с первого взгляда. Разница эта неуловимо тонка и необъяснима словами. Как очарование женщины, складывающееся из многих факторов, но которого нет без некой изюминки, что прячется в тембре голоса, мимолетном взгляде или в уголке чуть растянувшихся в улыбке губ.

Иностранный импозантный господин с длинными волосами и с эспаньолкой – а я спросил про него у парня моего возраста, сидевшего в жюри с самого краю, – оказался шеф-поваром одного из московских ресторанов с итальянской кухней. Звали этого господина Дрего Мора. Он тоже был в жюри конкурса и являлся членом Кулинарного совета Российской гильдии шеф-поваров, поскольку жил в России с конца девяностых. Что его занесло в нашу страну в лихую для нее годину – одному богу ведомо! Судя по рассказам парня из состава жюри (его, кстати, звали Жора Денисенко, и он тоже входил в Российскую гильдию шеф-поваров), этот Дрего Мора работал в лучших ресторанах Швейцарии, Испании и Италии, да, похоже, нигде надолго не приживался. Дядька, конечно, он был интересный и чем-то смахивал на французского мушкетера времен короля Людовика XIII и небезызвестного кардинала Ришелье. Походка у итальянца, насколько я успел заметить, была какой-то танцующей. То есть с наклонами в сторону, поворотами и запрокидыванием головы и разными причудливыми позами. Это говорило о том, что, возможно, Дрего Мора обладает веселым характером шутника и балагура; не любит брать на себя ответственность; забывчив, не обидчив и не держит обещаний. И еще то, что он весьма любвеобилен, часто меняет женщин и быстро заводится на какое-либо дело, но так же быстро к нему остывает. Не потому ли он переменил столько стран и ресторанов, в которых работал?

Рядом с Дрего Мора сидела почетный член жюри и одновременно гость конкурса – Татьяна Ивановна Подкрылкина, стареющая, но от пяток до макушки исключительно модная дама из числа верхушки Московского городского комитета профсоюза работников торговли, общественного питания и потребкооперации. Иногда она искоса поглядывала на итальянца, который ей явно нравился. Ибо не только пожилым мужчинам нравятся женщины намного их моложе, но и женщинам в возрасте, случается, нравятся мужчины младше их лет на пятнадцать-двадцать. И примеры тому имеются в количествах не столь уж и малых.

По левую руку от председателя жюри Сыча сидел, а вернее, все время вставал, проходил на кухню, где готовили свои конкурсные блюда шеф-повара, подходил к ведущему и что-то ему говорил почетный член жюри Антон Антоныч Корнелюк, чиновник из Департамента торговли и услуг. У Антона Антоныча была прямо-таки летящая походка. Это могло говорить только о двух вещах: либо он по жизни торопыга, либо он по уши влюблен и безгранично счастлив. А такое состояние просматривается не только в блеске глаз, но и в пластике тела. В том числе отражается и на походке.

Кстати, быть влюбленным вовсе не значит любить какую-нибудь конкретную женщину. Можно быть влюбленным в работу, в своих друзей, просто в жизнь. А можно быть влюбленным в свою должность и себя в ней. Словом, Корнелюк буквально порхал, как романтическая девица из второй половины девятнадцатого века, только что выпущенная в свет, то бишь «на волю» из института благородных девиц. Несчастные такой летящей походки не имеют. Она у них чаще всего тяжелая, носками внутрь. И руки у них висят как плети, плечи при этом обреченно опущены. Такая походка была у Виктории Безработной, чье место находилось рядом с Корнелюком. Она входила в состав жюри, поскольку была шеф-поваром и тоже, как и Дрего Мора, являлась членом Российской гильдии шеф-поваров и его Кулинарного совета.

Седьмым членом жюри был как раз Жора Денисенко, мой консультант.

А на сцене неустанным волчком продолжал шутить, развлекая не столь уж и многочисленную публику, лысоватый ведущий.

– ...один из главных и мудрых древнейших постулатов гласит: кушать надо часто, но помногу. – Ведущий хохотнул, чего не поддержал ни один из присутствующих, и изрек еще одну мудрую мысль: – Ведь когда сыт, жизнь налаживается и не кажется на полный желудок никчемной и пустой.

Лысоватый ведущий замолчал и сделал знак, приложив палец к губам. Потом исчез и через несколько мгновений вернулся с загадочным видом. Затем, подойдя к микрофону, произнес:

– Господа, вынос блюд состоится через две минуты.

Жюри подобралось, разговоры стихли. Даже стремительный Корнелюк успокоился, сел на свое место и устался на задернутый малиновой портьерой вход в кухню. Прошла минута. Еще одна. Наконец, портьера отъехала в сторону, и на узорчатый – с цветами и перьями сказочной жар-птицы – ковер ступил лакированный ботинок.

– Встречайте! – раздался восторженный голос лысоватого ведущего. – Первый финалист конкурса «Кулинар две тысячи тринадцать» шеф-повар ресторана «Трактир на Мясницкой» Трофим Максимов с блюдами, приготовленными по старинным русским рецептам. И первое блюдо – вы мне поверите, кундюбки! Ну, или кундумы...

После лакированного ботинка из-за раздвинутых портьер показала сначала одна, потом вторая нога в брюках со стрелками, полы белоснежной поварской одежды и, наконец, сам Трофим Иванович Максимов с улыбающимся лицом и в высоком поварском колпаке. Он подошел к президиуму, где сидело жюри, раскинул широко руки, как бы радуясь встрече с дорогими гостями и приглашая их к столу, и вслед за этим жестом тотчас выпорхнули семь прехорошеньких девиц в поварских курточках и белых колпаках. В руках они несли по подносу с кундюбками в глиняной мисочке. А в это время лысоватый ведущий просто заливался соловьем:

– Кундюбки, господа, были известны на Руси еще в шестнадцатом веке. С одной стороны, это пельмени. Но пельмени весьма необычные, изобретенные братьями во Христе, то есть монахами, предпочитающими постный стол мясному, а постные пельмени – мясным пельменям, которые они считали языческим блюдом, возводящим во грех. Кундюбки, господа, имеют начинку из грибов и каши, в нашем случае – гречневой. Имеются пряности, состав которых и количество наш мастер, – ведущий повел рукой в сторону стоящего перед членами жюри Трофима Максимова, – держит в строжайшем секрете. И это его право, господа. Вообще, в кругу кулинаров Трофим Иванович считается гением горячих блюд, но членам жюри, надо полагать, это хорошо известно, отчего распространяться по этому поводу я не стану. Что же касается приготовления кундюбок, то тут маэстро Максимов поделился с нами, неискушенными обывателями, некоторыми своими секретами. Оказывается, тесто для кундюбок замешивается исключительно на растительном масле и горячей воде, поэтому оно и заварное и вытяжное одновременно. А еще, – здесь лысоватый ведущий остановился, давая время девицам поставить перед каждым членом жюри мисочку с необычными пельменями, – кундюбки

после лепки не отвариваются, а обжариваются до появления легкой корочки. После чего их томят в печи или духовке чуть более четверти часа и только в глиняном горшке. Конечно, с грибным бульоном и сметаной. И вот, – тут ведущий сделал паузу, – вы их видите уже на своем столе. Уверяю вас, они настолько вкусны, что просто язык проглотишь. Приятного аппетита!

Девушки с подносами упорхнули робкими птахами, и Максимов опустил руки. Какое-то время он стоял и наблюдал, как члены жюри пробуют его кундюбки, отмечая, наверное, их реакцию. Вроде бы никто не поморщился и выплевывать не стал. Добрый знак!

Председателю жюри Николаю Александровичу Сычу кундюбки явно понравились. Съев пару штук, он одобрительно закивал, отодвинул тарелку от себя, потом, подумав, пододвинул снова и, подцепив вилкой очередной «пельмень», принялся доедать всю порцию, чем несказанно обрадовал конкурсанта Максимова.

По паре пельмешков отведали профсоюзный босс Татьяна Подкрылкина и вице-президент Межрегиональной ассоциации кулинаров России Тамара Круглова.

Съела пельмешек и с умным видом откинулась на спинку стула и Виктория Безработная, наслаждаясь вкусом, а Жора Денисенко и Антон Корнелюк уже расправились с кундюбками и писали что-то в своих записных книжках, что лежали по левую руку у каждого из членов жюри.

Что же касается эспаньолистого и кудряво-волосатого итальянца Дрего Мора, то он медленно и с задумчивым видом пережевывал один-единственный кундюбок. Словом, жюри работало... челюстями.

А потом случилось следующее. Маэстро Максимов, беспомощно оглянувшись (на мгновение его взгляд встретился с моим, и я разглядел в его глазах такую муку, что не приведи господь), снова развел в стороны руки, уже как бы моля жюри о снисхождении или помощи. Постояв так несколько секунд, он, неловко качнувшись, вдруг рухнул плашмя на пол, ударившись лбом о ступени, ведущие к месту президиума, где заседало жюри.

Стало тихо, как в заколоченном склепе. Корнелюк с Денисенко перестали записывать и с удивлением уставились на упавшего шеф-повара. Дрего Мора побелел, судорожно проглотил остаток кундюбка и, естественно, перестал жевать. Виктория Безработная плаксиво ойкнула и привстала. Также приподнялся со своего места и председатель жюри Сыч.

– Что это с ним? – громко спросила Тамара Николаевна Круглова.

– Не знаю, – ответил Николай Александрович и стал грузно выбираться из-за стола. – Может, с сердцем стало плохо?

Следом за ним встали и спустились к упавшему шеф-повару Максиму и остальные члены жюри, кроме Дрего Мора. По крайней мере, его я возле тела Трофима Максимова не видел.

Деятельная Круглова наклонилась и пощупала у повара пульс. Потом подняла голову и обвела растерянным взглядом присутствующих:

– Пульса нет.

Она первая вызвала по телефону «Скорую помощь». Та прибыла быстро, не прошло и четверти часа. Врач с чемоданчиком осмотрел лежащего Максимова и строго спросил:

– Его что, били?

– Нет, это он, падая, ударился лицом о ступени, – ответил председатель жюри Сыч.

– Я не про лицо говорю, я про это, – сказал врач «Скорой» и отвел волосы с правого виска Трофимова в сторону. И все увидели чуть выше виска рваную, чуть затянувшуюся рану шириной не менее сантиметра.

– Да никто его не бил... вроде, – неопределенно как-то сказал председатель жюри Сыч. – Может, он подрался с кем незадолго до конкурса.

– В общем, это уже не наше дело, – заявил врач «Скорой помощи» и поднялся с корточек. – Человек мертв. На голове опасная рана. Так что вызывайте полицию...

– А что, эта рана и вызвала его смерть? – спросил кто-то из членов жюри. Кажется, это был мой консультант Георгий Денисенко.

– Вполне возможно, – последовал ответ врача.

Я, как и остальные репортеры – а их было предостаточно, ведь конкурс не простой, и победителю светил в качестве приза популярный ресторан «Добрыня» в самом центре Москвы на Театральной площади, – конечно же, находился в самой гуще событий, а иными словами – возле трупа шеф-повара Максимова. Степа продолжал усиленно снимать, ни на секунду не отвлекаясь, так что репортаж у нас мог получиться самым что ни на есть сенсационным. А когда врач «Скорой помощи» во всеуслышание заявил, что имеющаяся на голове Трофима Максимова рана вполне могла привести к смерти шеф-повара, я отошел в сторонку и достал мобильный телефон.

– Привет, – сказал я, когда на том конце беспроводной линии включилась связь.

– Привет, – ответил мне знакомый голос.

– Я нахожусь в банкетном зале «Бонапарт», – на всякий случай, чтоб меня не слышали, я прикрыл телефон ладонью.

– Поздравляю, – ответил мне ровный голос. – Как там тебе, в «Бонапарте», вкусно, весело? Надеюсь, не обидели, от пуза наелся.

– Нет, не вкусно, – ответил я. – И довольно грустно. Здесь только что умер гений кулинарии некто Трофим Иванович Максимов, шеф-повар ресторана «Трактир на Мясницкой».

– Вот как... А что он там делал, в банкетном зале? – голос в трубке стал заинтересованным.

– Участвовал в финале конкурса «Кулинар две тысячи тринадцать», – сказал я. – И раз он гений, то вполне мог претендовать на приз конкурса, который теперь ему не достанется.

– А какой там приз? Тысяч сто? – с некоторой иронией произнес голос в трубке.

– Да, сто тысяч, – согласился я и добавил: – Но это официальный приз, так сказать, на орехи. А есть еще и спонсорский приз.

– И какой? – в голосе в трубке вновь зазвучали нотки заинтересованности.

– Ресторан «Добрыня» на Театральной площади, – ответил я. – Знаешь такой кабачок?

– Слышал про него, но никогда не был, – несколько оживившись, ответил мне мой собеседник. – Но он же принадлежит нашему магнату Масину? Я ничего не путаю? – теперь в голосе моего собеседника появились нотки удивления.

– Да, ты прав. И вот этот самый магнат Масин выставил свой ресторан в качестве неофициального приза главному победителю поварского конкурса, – сказал я. – Как ты думаешь, сколько может стоить престижный ресторан в центре столицы?

– Несколько миллионов евро, наверно, – не сразу услышал я голос собеседника. – Это не кусок пирога. Масштаб!

– Но это еще не все, дружище, – сказал я. – На голове умершего шеф-повара имеется едва затянувшаяся рана, большая и, похоже, глубокая. Врач приехавшей «Скорой помощи» осмотрел труп и объявил, что смерть вполне могла наступить от этой раны. Сказал, что больше ему здесь делать нечего, и уехал.

– Так бы сразу и начинал, – выражая некоторое неудовольствие, ответил голос. – Значит, в финальной части соревнований поваров победитель, который должен был получить в качестве приза ресторан в центре Москвы и еще сто тысяч рублей, умирает. А у умершего опасная рана на голове, которая, предположительно, и привела его к смерти. Возможно, это убийство, чтобы вывести претендента из списка... претендентов на первое место, так?

– Так, – ответил я. – Ты всегда все очень хорошо понимаешь, Володя.

– И ты хочешь, чтоб я приехал и взялся за это дело, – в голосе моего собеседника я не почувствовал вопросительной интонации. Скорее всего, вопрос имел утвердительный характер. Стало быть, вопросом уже не являлся. Но я все же ответил:

- Да. Такие случаи ведь как раз в вашей компетенции.
- В нашей, в нашей, – ответил мой собеседник. – Ладно, жди...

* * *

Следователь по особо важным делам Главного следственного управления по Москве Следственного комитета России Володя Коробов – а это ему я звонил по своему мобильному телефону – приехал вместе со своим сотрудником и экспертом-медиком чуть позже полицейского наряда, вызванного кем-то из членов жюри. Возле трупы уже находились остальные участники конкурса и лысоватый ведущий, у которого теперь напрочь было отбито желание сыпать шуточками и остротами. Он как-то разом посерел и осунулся, в общем, был не в своей тарелке, возможно, даже корил себя за свои идиотские шутки. Не было видно только эспаньолистого Дрего Мора. Собственно, его не стало видно с того самого момента, как шеф-повар Максимов, прощально раскинув руки, упал лицом на ступени, ведущие к членам жюри. Отсутствие итальянца заинтересовало Коробова, и он отдал распоряжение своему сотруднику найти пропавшего члена жюри.

Наряд полиции, приехавший по вызову, охотно передал дела Коробову, будто бы камень с души сбросил. Собственно, дел никаких еще и не было, разве что протокол с места происшествия, в котором было написано, что труп мужчины около сорока лет лежит на ковре, раскинув руки, и лицо его разбито о ступени при падении... Ну, и так далее в том же духе.

Затем следователь по особо важным делам Коробов приступил к опросу свидетелей, которыми являлись все члены жюри, гости и лысоватый ведущий. Факта смерти своего коллеги соревнующиеся шеф-повара и их помощники не видели, но Коробов их отпускать не собирался. Напротив, он намеревался в первую очередь допросить именно их. И вот почему: как только эксперт приступил к осмотру трупы, он тотчас подозвал Володю Коробова к себе. Я подошел вместе с ним.

– Глянь-ка, – посмотрел врач на Володю и раскрыл рот покойному Максиму. – Видишь?

– Вижу, – без интонаций ответил Коробов, потом как-то странно посмотрел на меня и сказал: – Это ты, Старый, правильно сделал, что именно нас позвал. Наше это дело, без всяческих сомнений наше.

– А что такое? – я непонимающе уставился на Володю. – Что там, у покойника во рту? Жук-скарабей? Лепестки роз? Сотенная купюра евро? Записка с пляшущими человечками? Что?

– Хуже, – произнес Володька и наклонился над трупом, призывая как бы меня сделать то же самое. Я наклонился. – Видишь? – он указал пальцем на язык покойного шеф-повара.

И присмотрелся и увидел коричневатую сыпь на языке и небе покойного шеф-повара Максимова. Прежде таких красноречивых языков мне видывать не доводилось.

– Отравление!

– Именно так.

– Получается, что его сначала стукнули по башке, скорее всего вчера, но вырубить так и не сумели. А сегодня решили уже добить. И отравили, – такой вот я сделал вывод.

– Возможно, так оно и было в действительности, – согласился Володя. – Теперь надо искать яд. Это в первую очередь. Кроме того, надо все же узнать, кто его так приложил по голове.

– А какой яд-то надо искать? – спросил я.

– Рицин, – произнес врач-криминалист и поднялся с корточек. – Скорее всего, это рицин.

– А что это? – посмотрел я на врача.

Тот сначала не хотел отвечать: с какой, дескать, стати он станет распинаться перед каким-то телевизионщиком, не имеющим никакого касательства к ведению следствия, не знающим даже, что такое рицин. Но, сообразив, что мы со следователем по особо важным делам Коробовым большие друзья, все же ответил:

– Рицин – это токсин растительного происхождения. Выделить его знающему человеку довольно легко: после приготовления касторового масла остается жмых, вот из него и можно сделать рицин. Можно также выделить рицин из семян клещевины. В результате получается такой белый порошок без запаха. Он хорошо растворяется в воде и иной жидкости. Вода, соус, подлива, майонез, сметана, молоко, растительное масло, сок – вот где надлежит искать этот яд. Там он совершенно будет незаметен. Действует рицин не моментально, а через довольно продолжительное время, убивая организм с каждой секундой. Поэтому вашего повара могли сначала отравить, а уже потом ударить по голове. Я бы, – врач посмотрел на Коробова, – не стал напрямую связывать получение раны на голове и отравление рицином. И еще рицин, – тут доктор посмотрел уже на меня, – это яд, который намного сильнее цианистого калия...

– Даже так? – удивился я.

– Даже так, – подтвердил эксперт.

Коробов отправил его на кухню, чтобы тот взял пробы жидкостей, которыми мог быть отравлен Максимов. А сам приступил к допросу шеф-поваров.

Первым в списке Володи, а точнее, в моем, который я приготовил для него, был шеф-повар ресторана «Императрица Елизавета» Валерий Степанович Сундуков.

Это был молодой человек, тридцати с небольшим годков, пухлый, как плюшевая игрушка, и на первый взгляд добродушный. Наверняка в детстве его дразнили «сундуком», и не только из-за фамилии, но и из-за телосложения: Валерий Степанович и правда внешне походил на сундук. Не буквально, конечно, но все же было в его образе что-то такое, что вполне оправдывало такое прозвище: тяжеловесность, квадратность и тугодумие. «Сундуки», они быстро не соображают...

Коробов вел допрос по всем правилам: спросил имя, место работы, семейное положение. Валерий Степанович оказался человеком не женатым, единственным увлечением которого (хобби, главным занятием и отдушиной всей жизни) была кулинария. И еще: основным соперником Трофима Максимова, похоже, был именно он...

– А вы с Максимовым были знакомы? – спросил Коробов.

– Был, – просто ответил он.

– И сколько лет? – поинтересовался следователь по особо важным делам.

– Пять лет, – последовал ответ.

– Где вы познакомились с Максимовым? – задал новый вопрос Володя Коробов.

– Тоже на конкурсе, – не сразу и односложно ответил Сундуков.

– Каком конкурсе? – из повара приходилось вытягивать слова едва ли не клещами, поскольку сам он отвечал только на поставленный вопрос. Без какой либо конкретики и без пояснений.

– Конкурс назывался «Кремлевский кулинарный кубок», – ответил Валерий Степанович.

– И кто же его выиграл? – проявил любопытство Коробов.

– Он, – последовал ответ.

– Понятно, – подвел итог первой части дознания Володя. – А в последнее время вы не замечали за Максимовым каких-либо странностей? Может, он вел себя как-то неадекватно, чего-то или кого-то боялся?

– Нет, – опять односложно ответил Сундуков.

– Ну, может, кто-нибудь ему угрожал? – начал терять терпение Володя.

– Этого я не знаю, – сказал повар.

Чувствовалось, что повар его начинает раздражать.

– А кто ударил его по голове, вы тоже не в курсе? – неожиданно спросил Коробов. Сундуков молчал. Это могло значить только одно: про удар по голове он что-то знает.

– Что вы молчите? – спросил Коробов.

Сундуков продолжал молчать.

– Вы, как свидетель, обязаны отвечать, – произнес наставительным тоном Володя, гипнотизируя шеф-повара Сундукова строгим взором. – Иначе я вынужден буду за отказ вами давать показания по интересующему меня делу подать рапорт, и уже на вас, Валерий Степанович, заведут уголовное дело по статье триста восьмой ука эрэф, после чего вы автоматически превратитесь из свидетеля в подозреваемого. А там я не могу даже предположить, чем лично для вас все это может закончиться. Вам это понятно?

Сундуков молча кивнул.

– Тогда отвечайте, – попросил Коробов.

– А что отвечать? – спросил вполне искренне шеф-повар.

Ей-богу, терпению следakov и дознавателей стоит позавидовать. Я бы, наверное, изошел уже пеной, испсиховался бы весь, начал бы орать, беседуя вот с таким свидетелем-недотепой, как этот ресторанный шеф-повар Валерий Степанович Сундуков. Ему только борщи варить! Нет, положительно не зря его в детстве дразнили «сундуком». Он, собственно, и по сей день настоящий сундук.

– Хорошо, я повторю вопрос, – терпеливо произнес Володька. – Скажите, свидетель, знаете ли вы, кто ударил шеф-повара Трофима Ивановича Максимова по голове накануне сегодняшних событий?

– Это тот итальянец с бородкой, – наконец выдал из себя Сундуков.

– Какой итальянец? – почти ласково спросил Коробов, пытаясь сделать так, чтобы сам свидетель уточнил бы свои показания. Но тут не выдержал уже я:

– Тот, из жюри, который ушел сразу, как только Трофим Максимов повалился замертво, – пояснил я Володе, встряв в ведение допроса, хотя делать этого не следовало. Поэтому Володя сурово на меня посмотрел и свел к переносице брови. Но я уже не мог остановиться и добавил: – Дрего Мора его зовут. Кстати, он тоже шеф-повар, и с убитым Максимовым они не раз могли пересекаться.

– Выясним, – коротко ответил Коробов и снова повернулся к Сундукову: – Итак, откуда вы знаете, что голову Максимова проломил итальянец Дрего Мора?

– Мне сказал это сам Максимов, – ответил повар.

– Когда сказал? – терпеливо продолжал допытываться Коробов.

– Сегодня. У него упал колпак, я и увидел рану у него на голове, вот и спросил, – неожиданно длинно ответил Сундуков, чем несказанно обрадовал моего друга. У Володи даже просветлело лицо, и он повеселел.

– А когда этот итальянец нанес ему рану и по какому случаю, он вам не сказал? – поинтересовался Коробов.

– Когда нанес – сказал, – ответил Сундуков, – а вот по какому случаю – не говорил.

– Ну, и когда итальянец ударил Максимова по голове? – лицо у Коробова снова потемнело.

– Вчера, – произнес Валерий Степанович.

– Больше покойный Максимов вам ничего не говорил? – снова спросил Володя.

– Говорил, – опять односложно ответил Сундуков и замолчал.

Молчание длилось минуту, не меньше. Коробов ждал, что повар еще что-нибудь добавит, а Валерий Степанович дождался, очевидно, нового вопроса. Первым не выдержал Коробов. Глядя на Сундукова с язвительно-нежнейшей улыбкой, он мягко и вкрадчиво спросил:

– И что еще говорил вам Максимов?

– Он сказал, что еще устроит этому итальяшке, – ответил Валерий Степанович и вытер рукавом поварской куртки вспотевший лоб.

– Это все? – поинтересовался Володя на всякий случай, хотя было уже видно, что Сундуков больше ничего не знает про конфликт итальянца с Максимовым.

– Все, – выдохнул Валерий Степанович.

– Благодарю вас, – сказал Коробов.

– Я могу идти? – посмотрел на следователя по особо важным делам Сундуков.

– Да, можете, – ответил Володя и вдруг как бы спохватился: – Скажите, а этот итальянец не заходил сегодня к вам на кухню?

– Зачем? – заморгал Сундуков.

– Ну, мало ли, – сказал Коробов и пожал плечами. – Может, водички попить или стопку мартини опрокинуть.

– Я не видел, – подумав, ответил Валерий Степанович.

– А скажите: кто-нибудь посторонний, когда вы готовили конкурсные блюда, заходил к вам на кухню? – задал Володька вопрос, который, верно, приберег напоследок.

– Да, – ответил Сундуков.

– Кто? – спокойно спросил Коробов, уже смирившийся с манерой разговора шеф-повара.

– Ведущий заходил несколько раз, чтобы узнать, скоро ли будут готовы блюда...

– Та-ак, – протянул Коробов и сделал пометочку у себя в блокноте. – А еще кто-нибудь заходил?

– Еще этот заходил. Из жюри, – ответил Валерий Степанович.

– Кто «этот»? – улыбнулся через силу Коробов.

– Ну, этот, как его... Он еще ходит, как летает... – неопределенно ответил Сундуков. Но это «неопределенно» было для Володи, а для меня вполне определено. И я вмешался снова...

– Валерий Степанович имеет в виду почетного члена жюри конкурса, Антона Антоныча Корнелюка, чиновника из Департамента торговли и услуг, – сказал я и мило улыбнулся следователю Коробову. – Это у него такая летящая походка. Да, если вам интересно, то я могу сообщить несколько черт, присущих данному господину именно исходя из его походки, поскольку она отражает некоторые качества, которые...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.